

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 88—98.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 88—98.

Научная статья

УДК 94(47).08

DOI: 10.46726/И.2023.4.11

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЧИН САМОУБИЙСТВ СРЕДИ РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Маргарита Леонидовна Радченко

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,

г. Белгород, Россия, mirra.1991@mail.ru

Аннотация. Одной из ключевых проблем современного общества является демографический кризис. Связан он во многом и с высокой смертностью населения, одной из причин которой являются участвовавшие случаи самоубийства. Однако проблема суицида не является новой, а уходит корнями в историческое прошлое. Вместе с тем в отечественной историографии проблему самоубийств затрагивают не многие исследователи, несмотря на довольно обширный архивный фонд судебно-следственной документации. Официальные статистические данные позволяют проследить динамику развития случаев самоубийств, а также географию их распространения. Определенным недостатком официальной статистики является то, что не всегда местные власти подавали достоверные данные, часто занижая показатели для создания наиболее благоприятной картины. Статистические данные позволяют прояснить в определенной мере характер причин самоубийств, составить их классификацию. Для изучения вопроса о самоубийствах могут быть привлечены дополнительные источники, в частности корреспонденция и частная переписка. В статье автором была представлена попытка привлечь именно такой вид источника для рассмотрения случаев самоубийств в чиновничьей среде и их причин. Рассмотрев конкретный случай, представленный архивными материалами корреспонденции и личной переписки губернатора второй половины XIX века, автор пришел к выводу, что, несмотря на детальное представление случая суицида чиновника, нашедшее отражение в телеграммах и письмах, полностью полагаться на данный источник, не имея иных подтверждающих фактов, не является возможным.

Ключевые слова: самоубийства, судебно-следственная документация, причины самоубийства, чиновник особых поручений, губернатор, корреспонденция и частная переписка

Для цитирования: Радченко М.Л. К вопросу об использовании корреспонденции и частной переписки как исторического источника для выявления причин самоубийств среди российского чиновничества во второй половине XIX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 88—98.

Одной из актуальных тем исследований специалистов различных областей на сегодняшний день является проблема высокой смертности населения. Причем одной из причин повышения данного показателя являются самоубийства граждан, которые за последние годы существенно возросли. Однако будет несправедливо утверждать, что тенденция к добровольному лишению себя жизни появилась только в XX—XXI веке. Сложившаяся тревожная ситуация, связанная с увеличением количества самоубийств, вынуждает современных исследователей обратиться к исторической ретроспективе. Задача, стоящая перед исследователями, определить основные факторы, «способствовавшие усилению суицидальной активности населения» [Богданов 2013а: 3]. Особенно актуальным периодом для изучения данного вопроса является вторая половина XIX века. Причинами этого может послужить, во-первых, социальное развитие Российской империи в пореформенный период, когда среди населения наблюдался рост социальных противоречий и напряженности. Во-вторых, пореформенный период косвенно являлся причиной неприятия моральных установок, принятых в общественности, что привело некоторых граждан к крайне жесткому проявлению «внутреннего протеста» — к самоубийству.

Тем не менее, несмотря на актуальность обозначенного временного периода, сама проблема добровольного лишения себя жизни уходит корнями еще глубже. По факту мы можем отметить, что самоубийство — это социальный феномен, который существовал всегда и везде, начиная с античных времен и заканчивая нашими днями [Каменский: 2]. Истории самоубийств посвящалось множество трудов, как философских, рассматривающих само явление как «своеобразную попытку осмысления жизни», так и психологической, социологической, культурной направленности, в которых предпринимались попытки выявить причины развития данного феномена.

География исследований является также довольно обширной, что подтверждает актуальность проблемы.

Что касается исторической науки и места в ней исследований по данному вопросу, то здесь также наблюдается довольно активный интерес. Историография истории самоубийств включает в себя ряд монографий и статей [Murray; MacDonald and Murphy; Houston; Watt]. Как отмечает Каменский, интерес к истории развития самоубийства стал проявляться в большей степени с середины 1980-х годов и был связан, с одной стороны, с интересом к изучению вопроса о смерти, а с другой — с «обращением историков к судебной документации как источнику по истории повседневности и внутреннему миру людей прошлого» [Каменский: 3].

Что же касается российской историографии, то проблема истории самоубийств остается на данный момент малоизученной. Да и те работы, в которых поднимается данный вопрос, посвящены во многом культурологическим аспектам феномена или конкретным случаям, связанным с известными самоубийцами. Одним из специальных исследований, в котором действительно поднимаются вопросы развития тенденции самоубийства в историческом контексте, является работа представительницы кембриджской школы Сьюзен Моррисей (преподаватель Школы славянских и восточноевропейских исследований, Лондонский университет) [Morrissey]. В работе на основе делопроизводственной и судебной документации, прессы, в общеевропейском контексте исследователь прослеживает, как изменились значение и оценка самоубийства в Российской империи с XVIII века до первой четверти XX века, когда волна самоубийств превратилась в полномасштабную социальную проблему [Большакова: 85].

Справедливости ради, стоит отметить, что в российской историографии все же встречаются отдельные работы, связанные с изучением самоубийств в контексте рассмотрения проблемы высокой смертности населения в Российской империи как в столице, там и на периферии. Примером таких исследований могут послужить работы профессора С.В. Богданова. Так, на архивных материалах Курской губернии показаны темпы роста суицидальной активности населения [Богданов 2013b: 76—78], а в статье «Самоубийства в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучета» [Богданов 2013a: 3—10] представлена динамика случаев суицида в столице. Дается сравнительная характеристика количества самоубийств и распределения их по гендерному признаку в сравнении с другими городами Европейской части России в 1870—1894 г.

Однако полностью представить картину совершаемых актов самоубийства именно среди чиновничьего аппарата весьма затруднительно. Одной из причин этого может служить, по мнению К.С. Веселовского, неполнота и зачастую неточность официальных сведений, подаваемых властями. Так, число самоубийств, порой значительно превосходило те данные, которые указывались в официальных документах [Веселовский]. Определенная критика относительно подаваемых официальных данных нашла свое отражение во взглядах А.В. Лихачева и Ю. Гюбнера [Лихачев; Гюбнер]. Согласно мнению исследователей, в отчетах Министерства внутренних дел и губернских статистических комитетов указывалась только треть от общего количества совершенных самоубийств.

Ко второй половине XIX века ситуация со статистическими данными практически не изменилась [Богданов 2013a: 7]. Поэтому выяснить реальные цифры представляется маловозможным. Однако даже те показатели, которые были представлены в официальной статистике, отражают довольно пессимистическую картину.

Наряду с этим у исследователей имеется возможность, по крайней мере, выявить основные причины, приводящие к самоубийству. В статье Е.А. Кравцовой и Э.В. Романовича имеется интересное замечание о том, что имеются две ключевые составляющие, — причина и фактор — которые приводили к суициду [Кравцова: 23]. Причина, как правило, какая-либо неразрешенная проблема или конфликт — как внешний, так и внутриличностный. В качестве фактора можно назвать ту ситуацию, которая и послужила отправной точкой при совершении акта самоубийства (семейные неурядицы, конфликты на службе и т. д.). Ю.П. Горяева в своей работе отмечает также такую причину, как одиночество [Горяева: 150]. Ряд возможных причин представлен в исследовании Е.З. Сидоровой [Сидорова: 138]. Наиболее распространенные — это проблемы личного характера, связанные с одиночеством, утратой или изменой близкого человека; финансовые затруднения; физиологические причины, связанные с психическими или физическими заболеваниями. Е.З. Сидорова также отмечает в качестве причин проблемы идеологического или религиозного плана, доведение до самоубийства или самоубийство как попытку уйти от наказания, например, за растрату казенных средств.

Соответственно, не исключены и другие причины, играющие решающую роль для конкретного человека.

Как было отмечено ранее, интерес к изучению вопроса самоубийств был вызван и в результате привлечения судебно-следственной документации в качестве исторического источника. Но не менее привлекательным источником, содержащим интересные сведения о суицидальных случаях, является

и корреспонденция, как официальная, так и частная. В письмах, телеграммах, приходящих в канцелярию губернатора, могла присутствовать различного рода информация, как просто извещающая о случае самоубийства, так и раскрывающая причины и детали произошедшего. Однако здесь перед исследователями встает спорный вопрос: может ли данный источник содержать достоверную информацию, или рассматривать корреспонденцию следует исключительно как нарративный источник, не принимая во внимание изложенные в нем события как достоверные.

Довольно обширный пласт источников такого рода представлен архивными материалами российских губерний второй половины XIX века.

Положение дел относительно высокой смертности в результате самоубийств являлось довольно удручающим для второй половины XIX века. Самоубийство, в особенности самоубийство находящегося на службе чиновника, бросало тень не только на непосредственное окружение самоубийцы, но и на весь чиновничий аппарат в целом, во главе с губернатором.

Один из таких случаев — самоубийство чиновника, находящегося на службе — был представлен в практике витебского губернатора В.В. фон Валя на момент его пребывания на посту в период с 1880 по 1884 года.

Личность губернатора В.В. фон Валя довольно интересная, а служебный опыт его достаточно разнообразен. Однако, рассматривая заявленный период 1880—1884 гг., следует отметить, что на этот момент Витебская губерния являлась третьей губернией для В.В. фон Валя. Губернатора фон Валя можно отнести к начинающим управленцам, так как карьеру гражданского губернатора он начал только в 1876 году, получив назначение в Ярославль на пост вице-губернатора. В 1878 году В.В. фон Валь был переведен в Гродненскую губернию, где прослужил до 1879 года. С 1879 по 1880 являлся харьковским губернатором, а в 1880 году был направлен в Витебск.

Сохранившиеся архивные материалы канцелярии витебского губернатора, в частности корреспонденция, а также личные черновые записи писем В.В. фон Валя, позволили узнать об одном из случаев самоубийств подведомственных В.В. фон Валь чиновников.

Здесь стоит отметить еще одно интересное обстоятельство. Архивные фонды В.В. фон Валя представлены достаточно обширной перепиской, черновыми записями и прочими заметками, а материалы о самоубийстве чиновника сохранены только по одному случаю. Утверждать, что в практике губернатора более не встречалось подобных происшествий, было бы не разумно, учитывая общие тенденции изучаемого периода. Однако сам факт сохранения В.В. фон Валь записей говорит о его заинтересованности и серьезном восприятии случая самоубийства чиновником, возможном поиске причин произошедшего события.

Собственно, речь идет о чиновнике особых поручений Михаиле Александровиче Кологривове, «молодом человеке 32-х лет, древнего дворянского рода, хорошо образованном, чуждого всяких дурных увлечений и наклонностей, человеке в полном смысле приятном и безупречном» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 9]. Именно так охарактеризовал Кологривова В.В. фон Валь. Информация об этом представлена в его черновом варианте письма к министру внутренних дел от 28-го апреля.

Началом же истории, связанной с трагическим событием, послужило письмо самого М.А. Кологривова, направленное В.В. фон Валь из имения Уволоки вечером 24 апреля 1881 года.

Текст письма, с сохранением первоначального написания, имеет следующее содержание:

«Милостивый Государь, Виктор Вильгельмович!

При сем представляю Вам, Ваше Превосходительство ключ от моей квартиры и письменного стола. В левом ящике этого стола находятся в совершенном порядке все дела, так же и сто рублевая бумажка, оставшаяся от аванса. Где-то в столе должна быть ассигновка на 13 рублей. Жалованья я не брал на этот месяц, да мне говорили, что мне следует еще каких-то столовых 28 рублей. Ездил я только в Крейцбург, за что следует 16 руб. Во всяком случае, аванс покрывается с излишком. Теперь пишу, чтобы объясниться на счет казенных дел. Завтра, т. е. через несколько часов напишу подробнее. Теперь сейчас не могу. Примите, Милостивый Государь, уверенье в совершенном уважении и глубокой преданности Вам.

Покорный слуга, М. Кологривов» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 1].

Текст письма, на первый взгляд, носит будничной, хотя и несколько неформальный для подведомственного чиновника, характер. Вполне можно предположить, что письмо Кологривова является частью, пусть и неформальной, но рабочей переписки с губернатором. Стоит сразу отметить и тон письма. Здесь явно прослеживается почтительное отношение к губернатору, что сразу может исключить наличие конфликта интересов на службе между губернатором В.В. фон Вальем и чиновником особых поручений М.А. Кологривовым.

Итак, первоначальное письмо Кологривова, рассматриваемое изолированно от другой корреспонденции, вряд ли вызвало бы существенный интерес у исследователей. Однако следующая телеграмма, направленная губернатору, дает возможность взглянуть на ситуацию с иного ракурса.

Приведем текст телеграммы уездного пристава Котырло, зафиксированной следующим днем, 25 апреля в 13 ч. 59 мин:

«Опекун имения Уволоки, чиновник Михаил Александрович Кологривов, прибывший из Витебска вчера утром, распорядился в лесу утроить из 13 возов дров костер, обложив кругом соломой, облив дрова и солому керосином, будто для маевки. Сего числа рано Кологривов найден сгоревшим в костре и при остатках его костей найден револьвер, кинжал, часы и ключ от дома» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 2].

Содержание телеграммы дает нам информацию не только о самоубийстве Михаила Кологривова. С одной стороны, оно указывает нам на намеренный, заранее тщательно спланированный акт суицида. Это подтверждает и наличие устроенного костра, и взятые с собой револьвер и кинжал, а также заранее написанные письма, о которых будет еще сказано. А с другой стороны, столь детальная организация дает повод задуматься — а на самом ли деле самоубийство чиновника было добровольным актом, и не имело ли здесь место спланированное и организованное третьим лицом попытка сокрытого убийства?

Попытку найти ответ на данный вопрос мы вполне можем использовать как один из возможных вариантов, почему губернатор В.В. фон Валь сохранил все письма и телеграммы по этому делу.

Тем не менее, рассматривая первый вариант спланированного самоубийства самим чиновником, вернемся к наличию написанных им заранее писем. Текст первого письма, отправленного на имя губернатора от 24-го апреля, был приведен. Рассмотрим и содержание второго письма от 25 апреля, зарегистрированного в 00 ч. 15 мин.

Что интересно, это письмо, помимо основной содержательной части, включает также «деловые заметки» и «просьбу».

Для лучшего представления происходящего, текст приведен с сохранением первоначальной редакции автором письма.

«Милостивый Государь, Виктор Вильгельмович!

Через час я застрелюсь и сгорю. Сгорю для того, чтобы избежать похорон и не причинять лишних хлопот. Причина моего самоубийства кроется во мне самом. Внешней причины нет — нечего ее и искать. Доказательством может служить то, что я уже раз делал попытку самоубийства (в Мюнхене, в 1877 году), но меня, к сожалению, тогда спасли. Не взял отставки, как говорил Вам, чтобы не возбудить ложных толков. Весьма жалею, что делаю Вам — может быть неприятность. Извините! Благодарю Вас еще раз за хорошее ко мне расположение. Всегда считал за счастье и честь служить под начальством Вашего Превосходительства.

Деловые заметки

- 1.) Дела, как уже писал, находятся в левом ящике письменного стола, ключи от которого посланы.*
- 2.) Аванс покрывается 100 руб. бумагой, находящейся в том же ящике.*
- 3.) За квартиру заплачено по 1 Июня (не июля как в расписке, следовательно, нужно приказать перевезти все вещи в Уволоки).*
- 4.) В Витебской губернии никому ни копейки не должен.*
- 5.) Все документы отосланы дедушке детей Князю Звенигородскому, Нижней Новгородской губернии, г. Ардатов, который не оставит детей.*
- 6.) Все детские ценные вещи находятся у сестры моей в Орле.*
- 7.) Все мои вещи без исключения оставляю детям.*

Просьба

1.) Для перевозки вещей, составления списка и т. п. назначить, если возможно пристава нашего стана господина Котырло, которого я уже семь лет знаю.

Он верный и очень хороший человек, который к тому же хорошо знает все наши обстоятельства. Пожалуйста!

2.) Долг и вещи можно кажется отдать арендатору Семену.

3.) Никого не извещать раньше недели, чтобы все могли сперва получить мои письма.

4.) Елико возможно не оглашать этого события. Пожалуйста!

М. Кологривов.

Примите, Милостивый Государь, и этот раз не как фразу, а как выражение действительного моего чувства увереня в совершенном уважении и глубокой преданности с которым до конца остаюсь Вашим М. Кологривовым» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 6—8].

В этом письме мы можем наблюдать уже не просто уважительное отношение М. Кологривова к В.В. фон Валу. Контекст письма свидетельствует о хороших, доверительных отношениях между чиновником особых поручений и губернатором. Судя по всему, Кологривов уже поднимал ранее тему самоубийства, не исключено, что в разговорах с губернатором присутствовали подобные беседы и возможные осложнения для губернатора, которые могли последовать вследствие суицида его подчиненного. Не зря Кологривов, решившись на добровольный уход из жизни, не подает в отставку, а берет отпуск.

Хотя, безусловно, самоубийство подведомственного чиновника возлагало на губернатора определенную ответственность, все же стоит признать

тот факт, что отставка Кологривова и последующее самоубийство могли вызвать большие осложнения для В.В. фон Валя.

Пытался ли воздействовать на чиновника губернатор? Возможно, путем уговоров или проведением профилактических бесед? Принимая во внимание «хорошее расположение» к Кологривову, мы можем предположить, что у губернатора, естественно, присутствовало желание не допустить случая суицида среди подчиненных не только из-за опасений возникновения осложнений на службе. Нельзя отрицать здесь и человеческий фактор, наличие эмпатии к служащему и стремление оказать ему помощь.

Но что же стало отправной точкой для М.А. Кологривова, почему чиновник, несмотря на возможные попытки со стороны губернатора оказать ему поддержку, все же решился на самоубийство?

Вероятный ответ на данный вопрос дает сам губернатор В.В. фон Валь. Текст чернового варианта письма министру внутренних дел также сохранился в документах губернатора. Выглядит он следующим образом:

«При мне состоял чиновник особых поручений Михаил Кологривов. Это молодой человек 32 лет древнего дворянского рода, хорошо образованный, чуждый всяких дурных увлечений и наклонностей, и вообще человек в полном смысле приятный и безупречный.

Получив от меня 23 апреля кратковременный отпуск, Кологривов выехал в имение Уволоки в 20 верстах от Витебска, принадлежащее малолетним его племянникам, над которыми он состоит опекуном <...>. (Далее идет пересказ содержания писем М. Кологривова и последних событий. — М. Р.). <...> Из этого письма Кологривова, причины побудившей его на самоубийство не видно, и трудно предположить, чтобы они могли выясниться и начавшимся следствием, так как они, должно понимать, семейные и потому вряд ли известны кому-либо из посторонних лиц. В семействе Кологривовых, по некоторым частным сведениям, проявление душевного расстройства, вероятно вследствие каких-либо семейных обстоятельств, наследственное, о чем отлично может служить доказательством то, что родной брат покойного Кологривова, служивший в Петербурге, несколько лет тому назад тоже покончил жизнь самоубийством; тело его было найдено в реке Неве. Донося об этом Вашему Сиятельству, честь имею присовокупить, что покойный Кологривов человек еще молодой 32 лет, вел жизнь совершенно скромную, занимая службою усердно и вообще, как в нравственном, так и в служебных его отношениях, ничего предосудительного замечено не было; дела, а также полученные им разного рода казенные деньги, после смерти его найдены в полном порядке и целости» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 9—10].

Таким образом, благодаря архивным документам, перед нами вырисовывается событийная линия произошедшего события в целом. Но наиболее актуальным для исследования все же является определение причин, подтолкнувших Кологривова к самоубийству.

Наиболее очевидными кажутся физиологические причины, связанные с нестабильным психическим здоровьем чиновника. На это указывает в черновых записях В.В. фон Валь, отмечая и тот факт, что душевное расстройство являлось наследственным — самоубийство родного брата Кологривова тому доказательство.

Но, принимая во внимание эти факты, можем ли мы с полной уверенностью утверждать, что именно эта причина и послужила отправной точкой и не принимать в расчет другие причины и обстоятельства? Можем ли полностью

исключить вероятность доведения до самоубийства или «организацию самоубийства» третьим лицом? На наш взгляд, исключить эти предположения и не принимать их в расчет, как вероятно возможные, вряд ли будет объективно.

Если мы посмотрим на имеющиеся в нашем распоряжении документы, сохраненные В.В. фон Валем, то мы увидим, с одной стороны, человека, находящегося в состоянии депрессии, меланхолии. При этом данное состояние чувств наблюдается у чиновника уже продолжительный период времени. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что Кологривов уже предпринимал попытку суицида в Мюнхене. С другой стороны, в нашем распоряжении не имеется иных доказательств, кроме тех, что указаны в письмах М. Кологривова и В.В. фон Валя, а они имеют субъективный характер.

В данных обстоятельствах у исследователей возникает определенный вопрос: стоит ли безоговорочно довериться сохраненной В.В. фон Валем корреспонденции? Принимая как истину то, что зафиксировано в письмах и черновиках, определить первопричиной самоубийства чиновника особых поручений — меланхолию, наследственное психическое расстройство. Или опровергнуть данную версию, предположив, что за кажущимся очевидным самоубийством кроется возможное преступление — доведение до самоубийства или вообще убийство, замаскированное под самоубийство. К этому предположению может подтолкнуть такая тщательная подготовка, обстоятельно написанные письма, где упоминается, что причина только в самом Кологривове, а также телеграмма сестры М. Кологривова из Орла. В данной телеграмме от 2 мая 1881 года на имя губернатора сестра М.А. Кологривова — София Савинова — просит сообщить ей, действительно ли ее брат скончался и какова причина смерти [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131, л. 11]. Телеграмма привлекает внимание в связи с тем, что сам Кологривов в письме к губернатору просил оказать ему услугу и не сообщать о его самоубийстве в течение недели, пока не дойдут отправленные им письма родным. Логично будет предположить, что в случае имеющихся душевных расстройств чиновника и склонности его к суицидальному поведению написанные им письма к родственникам во многом бы объяснили причину смерти. Телеграмма же С. Савиновой может свидетельствовать о том, что одного письма было недостаточно для установления причины смерти ее брата.

Интересным, с точки зрения исследователей, является и черновик письма В.В. фон Валя к министру, в котором губернатор дает отличную характеристику своему подчиненному, отмечая в нем в то же время признаки наследственной душевной нестабильности. Ранее уже было замечено, что, судя по характеру переписки, можно отметить наличие неформальных отношений между губернатором и чиновником особых поручений, участие В.В. фон Валя в жизни Кологривова с целью оказать ему помощь и психологическую поддержку. Действительно, человеческий фактор имеет место быть, так же, как и установление неформальных взаимоотношений между губернатором и подведомственным ему чиновником. Тем не менее, при изучении черновика письма, вновь возникает спорный вопрос: было ли со стороны губернатора преднамеренное желание «отписаться» министру о наличии у чиновника Кологривова «наследственного душевного расстройства», снимая отчасти с себя ответственность за произошедшее событие. Могли при этом быть не учтены дополнительные факторы и причины, которые могли подтолкнуть М. Кологривова к самоубийству. Такое вполне возможно. Если далеко не всегда подавались официальные сведения о совершенных актах самоубийства чиновников со стороны губернской администрации [Веселовский],

то так же могли и не подаваться сведения о фактах, которые могли привести к осложнениям на службе у администрации.

Таким образом, выходит, что случай с самоубийством М.А. Кологривова, который представлен в переписке и на первый взгляд кажется предельно ясным и достоверным, на деле мог вполне иметь множество «тонкостей» и скрытых причин. Корреспонденция, сохраненная В.В. фон Валем, предоставляет нам множество деталей и на первый взгляд является отличным историческим материалом. Но вот возможность трактовать данный материал с различных точек зрения и отсутствие иных, подтверждающих правдивость изложенных событий, документов делает корреспонденцию и частную переписку источником, не вызывающим полноценного доверия у исследователей.

Подводя черту, можем сделать следующие выводы. Вопрос о самоубийстве представителей чиновничьего аппарата, особенно это касается причин, подтолкнувших чиновников к таким действиям, можно считать актуальным и на сегодняшний день. Знание исходных первопричин может способствовать налаживанию и проведению профилактических мер в чиновничьей среде, что также является немаловажным.

Стоит отметить и тот факт, что, несмотря на актуальность проблемы, тема самоубийств среди чиновников в российской историографии поднималась не так часто. Хотя архивный материал представлен в довольно широком спектре. Привлечение судебно-следственной документации позволит сделать вывод о статистике случаев самоубийств и географии распространения (хотя и не всегда в полной мере), а также о характере причин самоубийств.

Отдельно стоит рассматривать такой источник, как корреспонденцию, направленную на имя губернатора и частную переписку. Данные материалы в том числе дают нам информацию, зачастую более детальную и многообразную о случаях совершенных самоубийств в губернии. Однако какой бы достоверной не казалась информация, представленная в письмах и телеграммах, стоит все же рассматривать данный вид источника как нарративный. Без дополнительных подтверждающих документов содержание корреспонденции можно трактовать с разных точек зрения. В первую очередь представленные в ней «факты» в большей или меньшей степени отображают позицию автора письма, телеграммы. Соответственно, часть деталей, причин может попросту не войти в содержание «за ненадобностью». Тем не менее, дополнить общую картину, выявить формат отношений между чиновником и его адресатом, показать наличие самой проблемы — в этом корреспонденция, частная переписка как исторический источник вполне может найти применение у исследователей.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Список литературы / References

Богданов С.В. Самоубийства в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучета // Суицидология. 2013а. № 4 (13). С. 3—8. (Bogdanov S.V. Suicides in St. Petersburg in the second half of the 19th century: scale, trends, problems of underreporting, *Suicidology*, 2013a, no. 4 (13), pp. 3—8. — In Russ.)

- Богданов С.В. Темпоральные характеристики самоубийств в Российской провинции второй половины XIX века (на материалах Курской губернии) // Суцидология. 2013b. № 3 (12). С. 76—78.
(Bogdanov S.V. Temporal characteristics of suicides in the Russian province of the second half of the 19th century (based on materials from the Kursk province), *Suicidology*, 2013b, no. 3 (12), pp. 76—78. — In Russ.)
- Большакова О.В. Морриссей С. Самоубийство и государство в императорской России. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2009. № 2. С. 85—90.
(Bol'shakova O.V. Morrissey S. Suicide and the State in Imperial Russia, *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 5, History: Information and analytical magazine*, 2009, no. 2, pp. 85—90. — In Russ.)
- Веселовский К.С. Опыты нравственной статистики России. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1847. 64 с.
(Veselovskij K.S. Experiments in moral statistics in Russia, St. Petersburg, 1847, 64 p. — In Russ.)
- Гюбнер Ю. Самоубийства в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868. 23 с.
(Gyubner YU. Suicides in St. Petersburg, St. Petersburg, 1868, 23 p. — In Russ.)
- Каменский А. Феномен самоубийства в России XVIII в. // E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2020. Т. 8. С. 1—26.
(Kamenskij A. The phenomenon of suicide in Russia in the 18th century, *E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 2020, vol. 8, pp. 1—26. — In Russ.)
- Кравцова Е.А., Романович Э.В. Взаимодействие полиции с отдельными институтами гражданского общества // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 2. С. 21—25.
(Kravcova E.A., Romanovich E.V. Interaction of the police with individual institutions of civil society, *Problems of law enforcement*, 2022, no. 2, pp. 21—25. — In Russ.)
- Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. Сравнительное статистическое исследование. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 253 с.
(Lihachev A.V. Suicide in Western Europe and European Russia. Comparative statistical study, St. Petersburg, 1882, 253 p. — In Russ.)
- Сидорова Е.З. О детерминантах суицида // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 137—139.
(Sidorova E.Z. On the determinants of suicide, *Academic thought*, 2020, no. 2 (11), pp. 137—139. — In Russ.)
- Houston R.A. Punishing the Dead? Suicide, Lordship, and Community in Britain, 1500—1830. Oxford: Oxford University Press, 2010, 416 p.
- MacDonald M. and Murphy T. Sleepless Souls: Suicide in Early Modern England. Oxford: Clarendon Press, 1990, 400 p.
- Morrissey S.K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 384 p.
- Murray A. Suicide in the Middle Ages: in 2 vols, Oxford: Oxford University Press, 1998—2000, vol. 1: The Violent Against Themselves, 510 p.
- From Sin to Insanity: Suicide in Early Modern Europe, ed. by Watt Jeffrey, Ithaca; NY: Cornell University Press, 2004, 256 p.

**ON THE USE OF CORRESPONDENCE
AND PRIVATE CORRESPONDENCE
AS A HISTORICAL SOURCE TO IDENTIFY
THE CAUSES OF SUICIDES AMONG RUSSIAN OFFICIALS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Margarita L. Radchenko

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russian Federation, mirra.1991@mail.ru

Abstract. One of the key problems of modern society is the demographic crisis. It is connected in many ways with the high mortality rate of the population, one of the reasons for which are the frequent cases of suicide. However, the problem of suicide is not new, but is rooted in the historical past. At the same time, in domestic historiography, the problem of suicide is touched upon by few researchers, despite the rather extensive archival fund of forensic investigative documentation. Official statistics allows us to trace the dynamics of the development of suicide cases, as well as the geography of distribution. A certain drawback of official statistics is that local authorities have not always provided reliable data, often underestimating indicators to create the most favorable picture. Statistical data allow clarifying to a certain extent the nature of the causes of suicide, to make their classification. Additional sources, in particular correspondence and private correspondence, can be used to study the issue of suicide. In the article, the author presented an attempt to attract exactly this type of source for the consideration of suicide cases in the official environment. Having considered a specific case presented by archival materials of correspondence and personal correspondence of the governor of the second half of the XIX century, the author came to the conclusion that, despite the detailed presentation of the case of suicide of an official, reflected in telegrams and letters, it is not possible to fully rely on this source without other supporting facts.

Keywords: suicides, forensic investigation documentation, causes of suicide, special assignments official, governor, correspondence and private correspondence

For citation: Radchenko M.L. On the use of correspondence and private correspondence as a historical source to identify the causes of suicides among Russian officials in the second half of the XIX century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 88—98.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 28.07.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Радченко Маргарита Леонидовна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия, mirra.1991@mail.ru

Radchenko Margarita Leonidovna — Candidate of Science (History). Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation, mirra.1991@mail.ru